

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1913.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЬ.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1913.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIV-й.

ЯНВАРЬ.

1913 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ этомъ году	I	порогъ вѣчности. Елизаветы Шаховой. . .	162—167
II. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя. А. О. Кони. . .	3—17	XIV. Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова. А. Лебедева. . .	168—182
III. За полѣвка. П. Д. Боборыкина	19—36	XV. Сто лѣтъ назадъ. Письма П. П. Одентала къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . .	183—191
IV. Тысяча восьмисотый годъ. Е. С. Шумигорскаго	37—54	XVI. Донесенія французскихъ посланниковъ при дворѣ Екатерины II. 1762—1765 гг. В. В. Тимошукъ	192—207
V. Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг. Г. П. Бобрикова.	55—81	XVII. Изъ воспоминаній о бывшемъ генералѣ. Вл. Маркова.	208—214
VI. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній; посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Книгини М. В. Волконской	83—99	XVIII. Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. А. Н. А. Изданіе князя Абамелек-Лазарева. П.	216—226
VII. Изъ старыхъ дѣлъ. М. Ф. Чулицкаго.	100—102	XIX. Книжки, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1 по 20 декабря 1911 г.	227—232
VIII. Изъ дневника внучки. Баронессы Елизаветы-Менгденъ.	103—131	XX. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
IX. Могила отца Суворова. А. Голомбѣевского.	132—134	а) Л. Н. Толстой и преосвященный Никандръ. Сообщилъ Д. У.	18
X. Басурманская неволя. В. Шереметевскаго.	135—148	б) Всеподданнѣйшій рапортъ Державина. Д. У.	82
XI. Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура. К. Шумскаго.	149—158	в) Къ характеристикѣ Якова Петровича Кульнева. Сообщ. П. А. Нпвѣ.	215
XII. Мое знакомство съ семьей Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Е. Фридрихса.	159—161	XXI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
XIII. Въ началѣ жизни и на			

Приложеніе: Портретъ Петра Дмитріевича Боборыкина.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Подписная цѣна на 1913 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

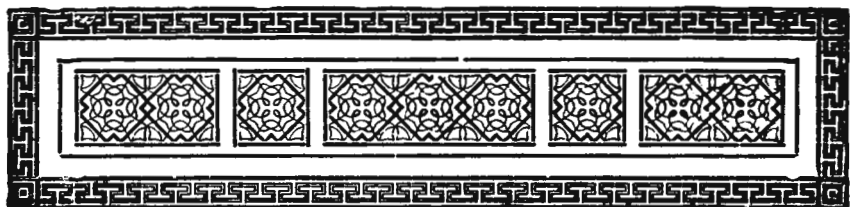
Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27,
1913.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1913 года.

Библиотека „Руниверс“

Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ.

Не прежде всего считаю долгомъ оговориться: настоящія воспоминанія касаются не столько личныхъ впечатлѣній о бѣломъ генералѣ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться лишь раза два въ жизни, въ своей ранней юности, сколько одного эпизода, связаннаго съ внезапной кончиной Михаила Дмитріевича, вдохновившей меня, тогда еще лицеиста, написать на его смерть патріотическое стихотвореніе, которое я и отвезъ къ М. Е. Салтыкову-Щедрину, издававшему тогда „Отечественныя Записки“.

Мой разговоръ съ покойнымъ сатирикомъ и высказанные имъ тогда взгляды на Скобелева и по поводу Скобелева вообще на современное положеніе Россіи рѣзко врѣзались въ моей памяти, поразили меня своей неожиданностью, возмутили мое тогда еще юношеское, но пламенное патріотическое чувство и могутъ доставить читателямъ, мнѣ кажется, извѣстный историческій интересъ, какъ характеристика русскаго общества конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ лицѣ его либеральныхъ представителей и „генераловъ отъ либерализма“, замкнувшихся въ узкія партійныя рамки идей и взглядовъ, и ни видѣвшихъ изъ-за нихъ настоящей Россіи, не чувствовавшихъ ея національныхъ стремленій и идеаловъ...

I.

Наше Тамбовское имѣніе „Мосоловка“.—Приволье степей и псовая охота.—Сосѣди: Можаровъ и Полтавцева; страсть Полтавцевой къ охотѣ и московскіе кутежи.

Проводя свое дѣтство и юность (лѣто и осень) въ нашемъ Тамбовскомъ имѣніи „Мосоловка“, я съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ псовой охотѣ, которая процвѣтала въ нашей губерніи благодаря массѣ пустопорожныхъ земель, частью ковыльныхъ степей, перерѣзанныхъ оврагами, поросшими дубнякомъ, въ которыхъ водилась масса волковъ, лисицъ и зайцевъ.

Тамбовская губернія издавна славилась своими псовыми охотниками и собаками, борзыми и гончими; достаточно упомянуть фамиліи такихъ нашихъ помѣщиковъ, охотниковъ, какъ Жихаревы и Можаровы, съ которыми связана и выведенная ими порода борзыхъ, извѣстныхъ въ охотничьемъ мірѣ подъ именемъ „Жихаревскихъ“ и „Можарскихъ“.

Послѣдній былъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ, и благодаря ему у меня, главнымъ образомъ, и развилась страсть къ охотѣ. Будучи еще юношей, я приобрѣлъ у него пару густопсовыхъ борзыхъ: премированнаго на выставкѣ кобеля „Лебеда“, бѣлаго безъ помѣтинъ и такого могучаго, что онъ, несмотря на немолодые годы, безъ труда „бралъ“ въ одиночку матераго волка, и сѣрошѣкую суку „Завидку“. Обѣ эти собаки и положили главнымъ образомъ основаніе моей собственной „настоящей“ борзой охотѣ, которую я долгое время содержалъ въ Мосоловкѣ, наѣзжая туда неизмѣнно каждую осень для охоты, и лишь въ концѣ 80-хъ годовъ, когда служба занесла меня на далекій Кавказъ, а условія помѣщичьей жизни круто измѣнились (цѣлины были распаханы, звѣрь уменьшился, вывелись люди, завзятые охотники стараго закала, помнившіе еще крѣпостное право, исчезли косяки степныхъ лошадей, изъ которыхъ вербовались быстрые и выносливые кони подъ охоту, вздорожала страшно жизнь, а съ нею и содержаніе самой псовой забавы), я разстался съ своей любимой охотой, которую и уступилъ (собакъ, лошадей и всѣ принадлежности) разнымъ лицамъ, при чемъ лучшія собаки перешли къ нашимъ же тамбовскимъ помѣщикамъ Салтыковымъ, сплѣвшимся еще на землѣ въ своемъ имѣніи почти безвыѣздно, что становилось и въ то время уже рѣдкостью.

Прелести псовой охоты и отъѣзжаго поля вдохновили меня на рядъ разсказовъ изъ охотничьей жизни, которые и были напечатаны въ разное время въ различныхъ журналахъ и органахъ повременной печати подъ общимъ заглавіемъ „Изъ записокъ борзятника“.

Другимъ налимъ сосѣдомъ по имѣнію, или, вѣрнѣе, сосѣдкой, помимо Можарова была г-жа Полтавцева, старая дѣва, державшая также небольшую псовую охоту, но большая поклонница ея, къ которой каждую осень съѣзжались на охоту и сосѣды и дальніе охотники—родственники и знакомые, даже изъ другихъ губерній. Полтавцева была очень оригинальной и типичной особой, болѣе похожей на мужчину, чѣмъ на даму и по образу жизни, и по своимъ вкусамъ. Несмотря на свои далеко не молодые годы (когда я ее зналъ), она отлично ѣздила верхомъ, травила звѣря съ борзыми, на привалахъ была хорошей собутыльницей, мало уступавшей въ этомъ отношеніи сотоварищамъ мужского пола, и неизмѣнно веселой собесѣдницей. Мы, молодежь, съ удовольствіемъ съѣзжались къ ней для совмѣстной охоты, „сваливая“ свои стаи вмѣстѣ съ ея и другихъ пріѣзжихъ охотниковъ.

Зимы г-жа Полтавцева проводила въ Москвѣ, но и тамъ не оставляла свои мужскія замашки, ведя шумную жизнь совершенно мужского пошиба. Принадлежа къ старому дворянскому роду и имѣя въ Москвѣ массу родни среди Московскаго общества, она нерѣдко шокировала послѣднее своими выходками. Такъ, лучшимъ для нея развлеченіемъ было набрать компанію молодежи обоого пола и вести ихъ къ Яру къ цыганамъ, гдѣ въ отдѣльномъ залѣ шелъ дымъ коромысломъ подъ звонъ стакановъ, гитаръ и пѣнія залихватскихъ цыганскихъ пѣсень!.. Московскія маменьки косились на нее, дулись, сплетничали, но... такъ какъ въ концѣ концовъ ничего дурного въ смыслѣ нравственности изъ этихъ ея кутежей для молодежи не происходило, и извѣстныя границы благоприличія всегда соблюдались, московское общество въ концѣ концовъ примирилось съ своимъ оригинальнымъ сочленомъ, махнуло на ея выходки и „эскапады“, какъ тогда выражались, рукой и отпускали въ ея всегда широко открытый домъ свою молодежь, которая любила бывать у этой веселой и, „совсѣмъ не похожей“ на старую дѣву, богатой барыни...

II.

Встрѣча съ М. Д. Скобелевымъ у Полтавцевой.—Совмѣстная охота съ нимъ.—Обаятельное впечатлѣніе, производимое Скобелевымъ на насъ, молодежь.—Своеобразный *Milchkur*.—Эпизодъ изъ взятія Хивы.

Вотъ у этой-то сосѣдки Полтавцевой, приходившейся теткой М. Д. Скобелеву и, если память мнѣ не измѣняетъ, управлявшей землею своего племянника, примыкавшей къ ея имѣнію, мнѣ пришлось въ одинъ прекрасный день встрѣтиться съ бѣлымъ генера-

ломъ. Приѣхавъ съ своей охотой къ П. подъ вечеръ, я былъ встрѣченъ радостнымъ извѣстіемъ, что Скобелевъ здѣсь, приѣхалъ наканунѣ, пробудеть 2, 3 дня и будетъ съ нами охотиться. Пообщившись съ дороги во флигелѣ, отводимомъ обыкновенно для насъ, молодежи, я съ замираніемъ сердца пошелъ въ главный домъ, гдѣ уже всѣ, во главѣ съ хозяйкой, собрались въ большой столовой къ ужину. П. представила меня Михаилу Дмитріевичу, который сидѣлъ рядомъ съ ней въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, хотя шелъ конецъ сентября, и было довольно холодно.

Съ ранней юности я зналъ по имени нашего народнаго героя и съ жадностью и гордостью прочитывалъ въ газетахъ все относившееся до него; радовался его успѣхамъ и печалился за него при всякихъ невзгодахъ и несправедливыхъ гоненіяхъ, которымъ онъ не рѣдко подвергался по проискамъ своихъ многочисленныхъ недоброжелателей—завистниковъ. И вотъ этотъ герой моихъ юношескихъ мечтаній, который представлялся моему воображенію не иначе какъ стоявшимъ на недосыгаемомъ пьедесталѣ, теперь вочію сидѣлъ передо мной, за однимъ столомъ, и какъ простой смертный, пьетъ, ѣстъ, смѣется, шутитъ, а не несется на конѣ съ обнаженной саблей впереди своихъ солдатъ!

Но эта будничная обстановка нисколько не уронила въ моихъ глазахъ „недосыгаемость“ моего героя; напротивъ, близкая совмѣстная жизнь съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ одномъ домѣ и на охотѣ еще сильнѣе укрѣпила во мнѣ чувство восторженнаго преклоненія передъ нимъ... М. Д. положительно умѣлъ очаровывать своихъ слушателей во время бесѣды, а на охотѣ онъ поражалъ насъ, молодежь, своей красивой посадкой на лошади и лихостью. Всѣ мы чувствовали себя верхомъ какъ дома, съ дѣтства сроднившись съ конемъ, а въ разгарѣ охоты, во время бѣшеной травли, мало обращали вниманія на встрѣчавшіяся препятствія въ видѣ крутыхъ обрывовъ, топей, канавъ и проч., но Скобелевъ поражалъ нашу опытную въ этомъ дѣлѣ молодежь той простотой и изяществомъ, съ которыми онъ преодолевалъ самыя трудныя препятствія...

Не будучи завзятымъ борзятникомъ, М. Д. не увлекался, какъ мы, травлей и, послѣ 2-хъ, 3-хъ удачныхъ „полей“, ранѣе другихъ забирался на полянку у опушки „острова“, гдѣ было все приготовлено для привала, и здѣсь, полулежа на коврѣ, курилъ и потягивалъ вино, лѣниво перебрасываясь словами съ какимъ-нибудь случайнымъ собесѣдникомъ, послѣдовавшимъ за нимъ и тоже оставившимъ охоту.

Какъ я ни увлекался травлей, но, замѣтивъ въ первый же разъ,

что мой герой ранѣе другихъ забирается на „приваль“, я безъ всякаго на этотъ разъ сожалѣнія тоже бросалъ охоту и присоединялся къ нему. Сначала робко приступая къ разговору, возвращавшемуся сперва вокругъ охоты и моей своры борзыхъ, которыми я по праву гордился, я становился все смѣлѣе и подъ конецъ старался навести разговоръ на войну, чтобы услышать отъ Скобелева различные эпизоды сраженій. Иногда это мнѣ и удавалось, при чемъ воспоминанія Михаила Дмитріевича по преимуществу вращались на эпизодахъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи. Но когда собиралось все общество, и чарочки усиленно ходили по рукамъ, М. Д. круто мѣнялъ разговоръ, шутилъ, начиналъ рассказывать анекдоты, иногда не совсѣмъ цензурнаго свойства, при чемъ, если другихъ дамъ не было, а онѣ рѣдко бывали у Полтавцевой, такъ какъ та ихъ не жаловала и предпочитала дамскому обществу—мужское, Скобелевъ обращался къ своей теткѣ со словами:

— Отвернись, затѣни ухо: конецъ анекдота не для дамъ!

На что та со смѣхомъ возражала:

— Не стѣсняйся, пожалуйста! Какая я дама? Я такой же сотоварищъ борзятникъ, какъ и вы всѣ!

Одинъ разъ Скобелевъ послѣ ужина зашелъ къ намъ, молодежи, во флигель, сидѣлъ довольно долго, пилъ вино, болталъ, при чемъ разговоръ все больше вертѣлся вокругъ прекраснаго пола, къ которому М. Д. питалъ, какъ видно было, особую слабость. Онъ много смѣялся, узнавъ отъ насъ о слѣдующемъ порядкѣ, введенномъ молодежью въ домъ его тетки: каждое утро около 4-хъ часовъ утра, сейчасъ послѣ дойки, къ намъ во флигель молодыя коровницы приносили въ кувшинахъ парное, еще теплое молоко, которое мы и принимали отъ нихъ, лежа въ постели... Конечно, суть дѣла была совсѣмъ не въ парномъ молокѣ, котораго многіе изъ насъ даже и въ ротъ не брали...

Полтавцева знала объ этомъ, но не препятствовала; декорумъ былъ соблюдаемъ, а она далеко не была ригористкой и нерѣдко подшучивала надъ нами за утреннимъ чаемъ:

— Ну, что, кто изъ васъ, щенковъ, пилъ сегодня парное молоко? Признавайся, понравилось?

Узнавъ отъ насъ про введенный утренній *Milchkur*, Скобелевъ пришелъ въ восторгъ и долго смѣялся.

— Ну, и молодцы! жаль, что я этого раньше не зналъ, а то бы непременно потребовалъ отъ тетки, чтобы она меня устроила не въ домъ, а во флигелъ!...

— Но вѣдь и въ домъ можно завести тотъ же режимъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

— Вы думаете? Надо будетъ узнать... а тетка не прогонитъ?

Продѣлалъ ли М. Д. въ этотъ день Milchkur, я не знаю, но на другой день онъ уѣхалъ. Мы всѣ многолюдной, шумной компаніей провожали его до небольшой ж.-д. станціи Ломовисъ, въ буфетѣ которой выпили на прощанье все имѣвшееся въ наличности вино, при чемъ М. Д. комично упрекалъ толстую (пудовъ въ 10—12) буфетчицу, что у ней мало вина и много жиру, и что вышло бы гораздо лучше, если бъ это было наоборотъ.

Въ другой годъ я встрѣтился съ М. Д. у Полтавцевой, но встрѣча наша вышла совсѣмъ короткая: онъ пробылъ у тетки только одинъ день и уѣзжалъ къ герцогу Лейхтенбергскому и графу Строганову, имѣнія которыхъ были тоже въ Тамбовской губерніи, но довольно далеко отъ насъ. И герцогъ Лейхтенбергскій и графъ Строгановъ тоже славились своими псовыми охотами...

Въ моей памяти сохранились (тогда же кратко занесенные въ дневникъ) слѣдующіе эпизоды, рассказанные Скобелевымъ. Первый относится до взятія Хивы. Кауфманъ, недолгоблывавшій бѣлаго генерала и ревновавшій его къ его народной славѣ, при осадѣ Хивы поручилъ ему произвести съ казачьимъ отрядомъ рекогносцировку у самыхъ стѣнъ города и немедленно вернуться съ донесеніемъ. Прибывъ до разсвѣта къ Хивѣ, Скобелевъ, объѣзжая вдоль стѣнъ, замѣтилъ небольшую брешь, продѣланную наканунѣ нашими снарядами. Приказавъ разобрать ее, онъ во главѣ своего отряда пробрался благополучно черезъ первую стѣну незамѣченнымъ, рассыпалъ казаковъ и съ выстрѣлами и гиканьемъ ворвался въ городъ, а затѣмъ и въ самую цитадель, защитники которой въ безпорядкѣ еле успѣли скрыться. Въ цитадели онъ укрѣпился, окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Халатники, никакъ не ожидая, чтобы горсть русскихъ имѣла дерзость ворваться въ городъ, растерялись, ожидая, что имѣютъ дѣло со всѣмъ войскомъ Кауфмана. Когда же они опомнились, было уже поздно, и ихъ попытки овладѣть обратнocyтаделью не увѣнчались успѣхомъ...

Между тѣмъ Кауфманъ, не получая извѣстій отъ Скобелева, двинулся со всѣмъ отрядомъ къ Хивѣ и безъ особаго сопротивленія взялъ ее приступомъ. Каково же было его удивленіе, когда, подойдя къ цитадели, онъ увидѣлъ, что на ней развѣвается русскій флагъ!... Скобелевъ до прихода Кауфмана продержался съ горстью русскихъ, окруженный тысячами халатниковъ, цѣлыхъ 6 часовъ!

— Жутко вамъ было, М. Д., до прихода выручки?

— Совсѣмъ не жутко, и мы очень пріятно провели эти часы. Часть изъ насъ несли службу, а остальные расположились въ хан-

скомъ дворцѣ, гдѣ къ нашимъ услугамъ оказалась масса провіанта, лакомствъ и... ханскій гаремъ!

— Какую рожу скорчилъ Кауфманъ! готовъ былъ съѣсть меня живымъ! чего только не наплелъ онъ на меня въ Петербургъ въ своей реляціи, да дѣло не скроешь... Только и всего, что обошли наградой по службѣ: за взятіе Хивы ничего не дали!... разсмѣялся Скобелевъ.

Впослѣдствіи я слышалъ подтвержденіе этого разсказа отъ артиллерійскаго полковника Лафицкаго, участника Хивинскаго похода, съ которымъ я встрѣтился на Аренбургскихъ водахъ, гдѣ онъ лѣчился отъ полученныхъ ранъ.

Вл. Марковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIVй.

ФЕВРАЛЬ.

1913 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

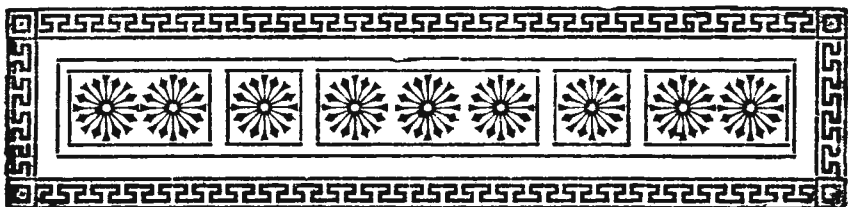
I. Статья подлежащая напечатанию въ этомъ году I II. Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ. Е. Тураевой-Церетели. 233—249 III. За полѣтна. П. Д. Бобрыкина 250—262 IV. Тысяча восьмисотый годъ. Е. С. Шумигорскаго 263—279 V. Въ Берлинъ на Конгрессъ. Г. Н. Бобринкова. 280—300 VI. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній; посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Книгини М. В. Волковой 301—317 VII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія пионерника Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 319—330 VIII. Встрѣчи и столкновенія. (В. А. Полетика и мод критики). Р. И. Сементковского 331—335 IX. Басурманская неволя. В. Шереметевского. 336—347 X. Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура. К. Шумскаго. 348—358 XI. Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтова. А. Лебедева. 359—366 XII. Воспоминанія стараго педагога. А. Ф. Андріашевой. 367—375 XIII. М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. 376—383	XIV. Развитие легенды о смерти царевича Дмитрія. В. И. Свѣтозарова. 384—404 XV. Сто лѣтъ назадъ. Письма Н. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. 405—411 XVI. Женатыя роты. Вл. Лайминга 413—418 XVII. Письма гр. Ф. В. Раstopчина къ А. Ф. Лабзину. В. Л. Модзалевскаго. 419—430 XVIII. Спартанское воспитаніе надѣтъ стараго времени. (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева. 431—435 XIX. Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. Вл. Маркова. 436—443 XX. Люди и нравы за полѣтна. Н. Морозова. 445—462 XI. Изъ записной книжки „Русской Старины“: а) Письмо ген.-адъютанта Ливена Палицыну о не доставленіи калмыцкихъ дѣтей. Сообщ. М. П. Федоровъ. 318 б) Свидѣтельство о прапорщикѣ Гусевѣ. Сообщ. В. П. Федоровъ. 412 в) Личная неприкосновенность въ XVII в. (1673 г.). Сообщ. Н. В. Суворовъ. 444 г) Неизданный стихотворенія Некрасова. В. А. Алексѣева. 463—465 XXII. Библиографическій списокъ (на оберткѣ)

Приложенія. Портреты: Его Императорскаго Величества государя Императора Николая Александровича; Петра Великаго Императора Всероссийскаго; Царя Михаила Феодоровича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Подписная цѣна на 1913 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ ¹⁾.

III.

Извѣстіе о смерти Скобелева.—Печаль и негодованіе на нѣмцевъ, которымъ молва въ то время приписывала отравленіе народнаго героя.—Вдохновляюсь и пишу патріотическое стихотвореніе на его смерть.—Литературныя занятія въ лицѣ въ началѣ 80-хъ годовъ.—Лицейскіе рукописные журналы и литературныя вечера.

Ваникулы (я учился тогда въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ) 1882 г. я проводилъ по обыкновенію въ нашемъ Тамбовскомъ имѣніи. Въ одинъ печальный день газеты принесли извѣстіе о скоростипижной смерти Скобелева въ Москвѣ. Нашъ всѣхъ это извѣстіе поразило какъ громомъ, до того никто не ожидалъ такого печальнаго конца для сравнительно молодого, здороваго, никогда не болѣвшаго серьезно генерала. Газеты, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, скрывали обстоятельства смерти, но стоустая молва дѣлала свое дѣло, и въ обществѣ быстро стали распространяться слухи, что смерть Скобелева не естественная, а насильственная, что онъ убитъ, а именно отравленъ, при чемъ приписывали это злодѣяніе нѣмцамъ, которые якобы ненавидѣли и опасались его, въ особенности послѣ произнесенія имъ незадолго передъ тѣмъ его знаменитой рѣчи въ Парижѣ, столь нашумѣвшей по всей Европѣ и за которую нашъ бѣлый генералъ подвергся опалѣ у себя на родинѣ...

Присутствіе одной нѣмки при внезапной кончинѣ М. Д. еще болѣе укрѣпило въ обществѣ увѣренность въ справедливости этихъ слуховъ, оказавшихся впослѣдствіи, конечно, вздорными, хотя я знаю скептиковъ изъ доброжелателей и поклонниковъ Скобелева,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1913 г.

близко стоявшихъ къ покойному, которые много лѣтъ спустя утверждали справедливость первой версіи народной молвы.

Какъ большинство лицъ моего возраста и я въ свое время отдавалъ дань юности, балуясь стихами и мня себя поэтомъ, и лишь потомъ бросилъ стихотворство, перейдя къ прозѣ, которой, увы, продолжаю „баловаться“ и по сейчасъ, несмотря на пожилые годы... Конечно, смерть моего любимаго героя вмѣстѣ съ молвой о насильственномъ характерѣ ея по проискамъ нѣмцевъ не могли не вдохновить меня, и я разразился патріотическимъ стихотвореніемъ, которое и привожу здѣсь, разумѣется, не ради его самого, а чтобы было понятнѣе мое послѣдующее посѣщеніе Щедрина съ этимъ стихотвореніемъ.

На смерть Скобелева.

Вѣсть разнеслася о горькой кончинѣ...
 Какъ, умеръ?.. не правда, не вѣримъ, не онъ!
 Узнали, повѣрили, скорбный единый
 Пронесся надъ всею Россіею стонъ!
 Какъ Божьей десницею воинъ хранимый,
 Въ столь битвахъ кровавыхъ всегда невредимый,
 Стяжавшій великую славу герой,
 Любимый монархомъ, солдатомъ, толпой,
 Народомъ, Россіей, внезапно угасъ?..
 „Невѣдомъ бо смерти ни день, еже часъ“...
 Но что же я слышу? Средь скорбнаго стона,
 Насмѣшки, улыбки и грязи комки,
 Изъ вражьяго Руси, Славянства, притона?..
 То наши давнишніе, злые враги!
 Ну—что же, ликуйте, постыдное племя!
 Вѣдь славу героя не вамъ омрачить,
 Но знайте: наступитъ желанное время,
 Когда вамъ пощады придется просить.
 Когда не одинъ, но всей русской землею
 Поднимется мощная русская рать,
 Славянство съ Германствомъ покончить войною,
 Научить, заставить себя уважать!
 Пока же ликуйте надъ нашей утратой,
 Надъ горемъ, надъ скорбью всѣхъ русскихъ сыновъ!
 Мы молча поплачемъ надъ жизнею, сжатой
 Не тлѣнной, но вѣчной рукою боговъ!

Мосоловка.
 I/VII 1882 г.

Когда я вернулся осенью въ лицей, я, разумѣется, поспѣшилъ подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями о смерти нашего любимого героя и прочелъ имъ свое стихотвореніе. Въ то время въ нашемъ классѣ процвѣтали занятія литературой; мы издавали два рукописныхъ журнала, въ которыхъ помѣщали свои стихи и прозу. Среди нашихъ поэтовъ выдѣлялся мой однокашникъ К., писавшій и печатавшій также въ настоящихъ журналахъ свои стихи подъ псевдонимомъ Ушакова (дѣвичей фамиліи его матери, если не ошибаюсь); писалъ романы Миллеръ, рано умершій; помѣщалъ серьезные статьи мой одноклассникъ Ш., бывшій впоследствии министромъ финансовъ.

Нашъ инспекторъ классовъ, нынѣ покойный, Никольскій, читавшій у насъ Исторію Русской словесности, поощрялъ наши литературныя занятія. Помню при подачѣ ему курсового сочиненія на тему о Фонъ-Визинѣ, къ которому я приложилъ собственное стихотвореніе, посвященное этому писателю, я получилъ отъ него одобреніе и просьбу приносить ему всѣ стихотворенія, которыя я буду писать... Но, увы, показывать что-либо приходилось очень мало и рѣдко, такъ какъ я вдохновлялся большею частью темами на лицейскія злобы дня, писалъ шутивыя эпиграммы на товарищей и даже, *horribile dictu*, на такіе сюжеты, которые никоимъ образомъ не могли и не должны были попадаться на глаза суровому инспектору.

У насъ въ лицей въ мое время издавались 2 журнала: одинъ „Лицейскій звонокъ“, и другой, не припомню теперь названія, къ которому примыкалъ и я. Мы полемизировали другъ съ другомъ, какъ водится, и осыпали другъ друга незлобливими эпиграммами. У меня случайно сохранились въ бумагахъ 2 стихотворенія, направленные противъ „вновь народившагося“ журнала „Звонокъ“, какъ это у меня озаглавлено, и изъ чего я заключаю, что нашъ журналъ выходилъ ранѣе. Вотъ эти стихи; сообщаю ихъ какъ матеріалъ для будущихъ историковъ Лицейской жизни.

За тяжкіе грѣхи Господь насъ наказалъ:
 Лицею онъ „Звонокъ“ сегодня ниспослалъ,
 И онъ звонитъ, терзая умъ и уши!
 Очистимъ же скорѣй свои, друзья, мы души,
 Умиловивимъ Бога, чтобъ Онъ насъ простилъ
 И звонъ „Звонка“ на вѣкъ въ лицей прекратилъ.

Редактору лицейскаго журнала „Звонокъ“ Ш—ву.

Нѣтъ розы безъ шиповъ,
Мой дорогой издатель,
Но я открылъ, Создатель,
Что есть безъ розъ Шиповъ.

Помимо изданія журналовъ, въ лицей въ мое время устраивались по пятницамъ домашніе литературно-музыкальные вечера, на которыхъ лицеисты также читали зачастую собственныя стихотворенія. Стрѣлы эпиграммъ коснулись и этихъ вечеровъ; вотъ одна изъ нихъ, принадлежащая моему перу и случайно уцѣлѣвшая среди бумагъ...

По пятницамъ лицей (такъ свыше повелѣли)
Съ искусствомъ въ связь преступную вступилъ,
Смущенный Аполлонъ судьбу благодарилъ,
Что пятницу лишь одна, не семь въ одной недѣлѣ.

IV.

Совѣщаніе о томъ, гдѣ напечатать мое стихотвореніе.—Малая освѣдомленность наша о нетерпимости партійныхъ журналовъ къ инако мыслящимъ.—Мой визитъ къ Щедрину совместно съ товарищемъ М-вымъ.—Любезный пріемъ у Щедрина и наше негодованіе на него за высказанные имъ взгляды на нашего любимаго героя Скобелева и на Россію вообще.

Извиняясь передъ читателями за то маленькое отступленіе, вызванное отчасти болтливостью, свойственной преклонному возрасту и невольнымъ увлеченіемъ воспоминаніями о давно минувшей юности въ стѣнахъ дорогаго лица, перехожу къ своей темѣ. Итакъ мое стихотвореніе на смерть Скобелева было одобрено нашимъ инспекторомъ Никольскимъ и товарищами, среди которыхъ М. Д. М—овъ, тезка Бѣлаго Генерала, одинъ изъ первыхъ положившій начало и много потрудившійся надъ созданіемъ въ лицей „Пушкинской комнаты“, расцвѣтшей впослѣдствіи въ обширный цѣнный музей, убѣдилъ меня отвезти стихи въ какой-нибудь журналъ для напечатанія. Долго выбирали, наконецъ остановились на „Отечественныхъ Запискахъ“, издаваемыхъ Щедринымъ. Выборъ палъ на этотъ журналъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Вѣстникомъ Европы“ были самыми солидными и составляли обязательную принадлежность каждой гостиной того времени, а главнымъ образомъ потому, что редакторомъ его состоялъ Салты-

ковъ, бывшій лицеистъ, и хотя никто изъ товарищей нашихъ не былъ съ нимъ лично знакомъ, но мы были убѣждены, что Салтыковъ, какъ лицеистъ, скорѣе другихъ приметъ и напечатаетъ стихотвореніе, принадлежащее перу тоже лицеиста...

О, наивное заблужденіе! Хотя мы прекрасно знали, что Щедринъ, какъ сатирикъ, слылъ ultra-либераломъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходила тогда даже возможность, чтобы бывшій лицеистъ, носитель старинной русской дворянской фамиліи, можетъ изъ-за партійныхъ счетовъ не раздѣлять нашего общаго восторженнаго преклоненія передъ умершимъ русскимъ героемъ...

Вообще мы были тогда очень наивны. Если бы кому-нибудь изъ насъ въ то время сказали, что въ недалекомъ сравнительно будущемъ въ Россіи могутъ образоваться русскія партіи изъ русскихъ людей, въ платформу которыхъ войдетъ между прочимъ принципъ расчлененія Россіи, какъ Государства, поддержка инородцевъ въ ущербъ русскимъ и Россіи—мы бы разсмѣялись въ лицо, такъ это показалось бы намъ невѣроятнымъ и дикимъ...

Итакъ, въ одну изъ субботъ послѣ роспуска, въ 4 часа, прямо изъ лицея я вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ М—вымъ поѣхалъ къ Салтыкову, жившему тогда, насколько помнится, на Литейной. Приказали доложить о себѣ, и насъ сейчасъ же приняли. Обстановки кабинета теперь не припомню; знаю только, что онъ (какъ и гостиная, черезъ которую насъ провели въ кабинетъ) не поразилъ насъ тогда ни своими размѣрами, ни особеннымъ впечаткомъ, который мы ожидали встрѣтить у Щедрина, какъ писателя; мебель—какъ мебель, убранство обыкновенное; не только обилія книгъ не было замѣтно, но мнѣ бросилось въ глаза даже ихъ отсутствіе; быть можетъ, онѣ были скрыты дверцами шкафовъ, но отлично помню, что ни столы, ни другая мебель не были загромождены ими, какъ я это представлялъ себѣ непременно обязательнымъ для писателя.

Описывать наружность Щедрина я не буду: она вполне соответствовала тѣмъ портретамъ его, которые я видѣлъ до этого; нѣкоторая суровость въ лицѣ и наружности не помѣшала Михаилу Евграфовичу принять насъ любезно и усадить у окна, сейчасъ же направо отъ дверей.

Краснѣя и путаясь, я изложилъ ему цѣль нашего посѣщенія и робко протянулъ ему листъ бумаги съ переписаннымъ стихотвореніемъ, сложенный вчетверо и хранившійся у меня за краснымъ обшлагомъ, который по тогдашней модѣ мы, лицеисты, носили въ увеличенномъ противъ формы размѣрѣ.

Щедринъ сталъ читать; я лихорадочно слѣдилъ за выраженіемъ его лица, по которому, по мѣрѣ, чтенія, стала скользить сарка-

стическая улыбка. Пробѣжавъ стихи и протягивая ихъ мнѣ обратно Салтыковъ заговорилъ:

— Вотъ что я долженъ вамъ сказать, молодой человѣкъ; стихи ваши не хуже и не лучше многихъ другихъ стиховъ, да и не въ нихъ дѣло; но вотъ относительно сюжета—напрасно вы выбрали такой для своего вдохновенія... Скобелевъ? Да развѣ это герой? да вѣдь вся его слава дутая и пустая... Забубенная головушка, какихъ много... Эка важность какая: лѣзть драться!.. Сорви голова, быть можетъ, но не герой... Развѣ такіе герои бываютъ? Развѣ въ драгѣ геройство? что пользы для Россіи принесъ онъ?

И пошелъ, и пошелъ... Изъ дальнѣйшей рѣчи сатирика выяснилось, что онъ, вообще, не признаетъ военнаго геройства, что героизмъ долженъ выливаться въ другихъ формахъ, въ формѣ гражданскихъ заслугъ передъ Россіей, что подвиги—не на войнѣ, а въ мирной работѣ на пользу родины и т. д. и т. д.... Я не припомню въ точности всего того, что Щедринъ говорилъ, но отлично уловилъ общій смыслъ его рѣчи, отрицательное отношеніе къ патріотическимъ явленіямъ русской жизни и, не признавая Скобелева, какъ народнаго героя, Салтыковъ отрицалъ вообще идеалы Россіи, находя, что у насъ все скверно и плохо...

По мѣрѣ того, какъ Михаилъ Евграфовичъ говорилъ, первоначальное чувство робости сразу смѣнилось во мнѣ чувствомъ негодованія противъ него и обидою за своего героя Скобелева, за Россію... Мой патріотизмъ былъ оскорбленъ... и я поднялся съ мѣста.

— Такъ то, молодой человѣкъ: продолжайте свои стихотворные опыты, и если изберете для нихъ другіе „настоящіе“ сюжеты—приносите, посмотримъ, быть можетъ, что-нибудь и подойдетъ для журнала.

Я горѣлъ отъ негодованія; такъ и хотѣлось крикнуть ему въ отвѣтъ:

— Не Вѣрой же Засуличъ прикажете вдохновляться и возводить подобныхъ ей господъ на степень народныхъ героевъ Россіи?!!

Но я удержался; мы молча откланялись и вышли...

Авторское самолюбіе тутъ было ни при чемъ, да я этимъ ни тогда, ни впослѣдствіи, когда сталъ печататься, не страдалъ. Нѣтъ, мое юношеское сердце было оскорблено за дорогую родину и ея недавно угасшаго героя.

Долго еще мы съ М-вымъ негодовали на Щедрина и, вернувшись на другой день къ вечеру въ лицей, не преминули подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями своего посѣщенія извѣстнаго сатирика.

— И такъ мыслить Салтыковъ, столбовой дворянинъ, бывшій лицеистъ!

Насъ тогда поражали такія явленія; по своей наивности мы дѣлили тогда Россію на „общество порядочныхъ людей“ и на „крамольниковъ“, гдѣ-то копошившихся на низахъ и вербуемыхъ изъ разночинцевъ... Принадлежность къ нимъ, напримѣръ, графини Перовской была для насъ необъяснимой загадкой...

Стихотворные опыты свои я продолжалъ еще на скамьѣ лица, но совѣту Щедрина вдохновляться гражданскими, либеральными мотивами не послѣдовалъ и, разумѣется, больше къ нему съ своими стихотвореніями не обращался: такъ разбидѣлъ онъ меня тогда своими неуважительными отзывами о милой для меня родинѣ.

V.

Меблированные комнаты „Англія“ въ Москвѣ, гдѣ умеръ Скобелевъ.—Иронія судьбы: несчастіе для Россіи, смерть Бѣлаго Генерала послужила рекламой для 2-хъ жрицъ любви.—Возвышеніе ихъ на рынокъ любви, и выступленіе одной изъ нихъ въ роли жокея на московскихъ скачкахъ.—Анекдотъ про англичанина.—Разсказъ ея о послѣднихъ минутахъ Скобелева.

Вскорѣ послѣ смерти Скобелева, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я посѣтилъ, между прочимъ, меблированныя комнаты „Англія“ и осматривалъ ту комнату, которая послужила случайнымъ мѣстомъ кончины Михаила Дмитріевича. Въ этотъ свой послѣдній пріѣздъ въ Москву покойный генералъ остановился, какъ и всегда, въ гостиницѣ „Дрезденъ“, куда его и перевезли уже мертвымъ въ каретѣ изъ номеровъ „Англія“ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, дабы скрыть нежелательную обстановку его смерти отъ публики.

Суровая проза жизни полна контрастовъ: несчастіе однихъ нерѣдко служить основаніемъ благополучія для другихъ. Такъ и тутъ: горе всей Россіи, преждевременная скоропостижная смерть народнаго героя послужила рекламой и матеріальному успѣху для 2-хъ никому до тѣхъ поръ невѣдомыхъ въ Москвѣ дѣвицъ, которыя, на короткій, правда, срокъ сдѣлались „извѣстностями“; появленіе ихъ въ общественныхъ мѣстахъ производило сенсацію, на нихъ указывали пальцами.

— Смотрите, это вотъ та (или тѣ), которая... и т. д. и т. д.

Мнѣ передавали про одного англичанина-туриста, пріѣхавшаго спеціально въ Москву съ единственною цѣлью посмотрѣть на косвен-

ную виновницу и свидѣтельницу смерти Скобелева. Легко добившись свиданія съ нею за извѣстную плату, онъ молча вошелъ въ ея будуаръ, остановился возлѣ ложа, на которомъ та возлежала, молча созерцалъ ея обнаженное тѣло нѣсколько минутъ и, не проронивъ ни слова и положивъ на столъ условленную сумму, такъ же молча удалился... Удивленная жрица стала было его удерживать.

— Не надо! отрѣзалъ англичанинъ: я пришелъ только посмотреть на могилу великаго полководца..... и уѣхалъ.

Съ одной изъ нихъ, нѣмкой (забылъ теперь ея имя), фигурировавшей впослѣдствіи даже какъ-то на Московскихъ скачкахъ въ роли жокея, я познакомился, ужиналъ и слышалъ отъ нея разсказъ о послѣднихъ минутахъ Михаила Дмитріевича. Передавать ея словъ я, разумѣется, не буду; въ свое время объ этомъ знали и говорили всѣ въ московскомъ обществѣ...

Внѣ боевой обстановки, среди обыденной прозы повседневной жизни безъ серьезнаго и любимаго дѣла Скобелевъ тосковалъ и искалъ забвенія въ сильныхъ ощущеніяхъ. Умѣренность, сдержанность въ порывахъ не были его удѣломъ какъ на войнѣ, такъ и въ жизни; во всемъ онъ привыкъ проявлять широкій размахъ, будь то битвы, или кутежи и.... сердце богатыря не выдержало и перестало биться къ великой скорби всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Вл. Марковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1913.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1913.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIV-й.

МАЙ.

1913 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ этомъ году	
II. Тысяча восьмисотый годъ. Е. С. Шумигорскаго	223—236
III. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Олущевского	237—251
IV. Письмо въ редакцію. П. Дернара	252
V. На Босфоръ. Г. П. Бобринкова	253—260
VI. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1810 г. Сообщ. П. А. Вилламовъ .	261—270
VII. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1887. Сообщ. М. В. Безобразова	271—277
VIII. Письмо въ редакцію. П. фонъ-Кауфмана . .	278—280
IX. Юные годы. Воспоминанія о медицинскомъ факультетѣ (1868—73 гг.) Московскаго университета. П. О. Филатова . . .	281—300
X. Изъ архива графа С. Ю. Витте. Сообщ. П. Дернаръ	301—314
XI. Три собственноручныя записки генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымнинскаго къ М. С. Лалаеву. Сообщ. В. А. Бернацкий . . .	315—317
XII. М. И. Драгомировъ—генераль-губернаторъ. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . .	318—324
XIII. Яковъ Іоанъ Урсинусъ. Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложения. А. Г. Веропова .	325—359
XIV. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія пионерника Ольги Алексеевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. .	362—371
XV. Письма Н. П. Ломакина консулу В. А. Бакулину. (О средне-азиатскихъ дѣлахъ). Сообщ. В. А. Алексеевъ	372—385
XVI. Польскій бунтъ и старообрядцы. П. Г. Высоцкаго	386—389
XVII. Изъ жизни инженера путей сообщенія. П. П. Любимова	390—397
XVIII. Два письма В. А. Жуковскаго къ А. Н. Оленину (1838 г.). Л. Ильинскаго	398—406
XIX. Екатерина II—законодательница. Т.	407—419
XX. Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ Великой Арміи Наполеона изъ Россіи во Францію, и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержанныя Чернымъ Кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургъ. (Извлеченіе изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ Denis Roche. Переводъ П. Тр.). В. П. Трескиной .	420—424
XXI. Замѣтка о Посошковѣ. М. Клочкова	425—428
XXII. Сто лѣтъ казадъ. Письма П. П. Одентали къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова . .	429—437
XXIII. Люди и нравы за полвѣка. П. Морозова . . .	438—444
XXIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
а) За лучинку и поцѣлуй. (Изъ жизни генерала Фадеева). Сообщено Д. Ф. Девель	360—361
XXV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 по 10 января 1912 г. (на оберткѣ)	

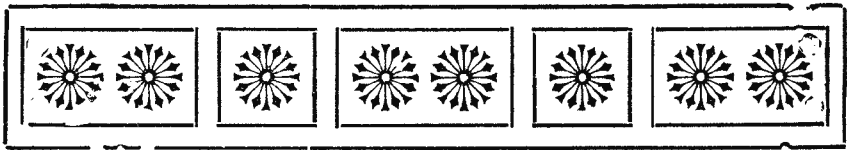
Приложенія: 1) Портретъ Григорія Антоновича Захарьина,
2) Факсимиле трехъ записокъ Суворова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Подписная цѣна на 1913 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

Павель Николаевич!

Въ Январской книжкѣ Р. Старины я прочелъ въ „Воспоми-
ніяхъ“ г. Маркова о происходившей, будто-бы, у него бесѣдѣ съ
покойнымъ М. Д. Скобелевымъ, въ которой Скобелевъ неуважи-
тельно и недружелюбно отзывался о бывшемъ своемъ начальникѣ,
а мнѣ—близкомъ человѣкѣ, К. П. фонъ-Кауфманѣ.

Со словъ, яко бы, Скобелева, г. Марковъ передаетъ, что „Кауф-
манъ, недолюбливавшій бѣлаго генерала и ревновавшій его къ его
народной славѣ, при осадѣ Хивы, поручилъ ему произвести съ ка-
зачьимъ отрядомъ рекогносцировку у самыхъ стѣнъ города и не-
медленно вернуться съ донесеніемъ“.

Далѣе говорится, что Скобелевъ не только не вернулся съ до-
несеніемъ, но воспользовался даннымъ ему порученіемъ, чтобы съ
„горстью казаковъ“ взять Хиву, водружить въ столицѣ ханства
русскій флагъ и водвориться въ ханскомъ гаремѣ. И когда Кауф-
манъ съ войсками подошелъ къ цитадели, то все уже было кон-
чено. Это Кауфмана такъ-де разсердило, что онъ Скобелева готовъ
былъ „съѣсть живымъ“, „напелелъ на него въ Петербургѣ въ своей
реляціи“ и „обошелъ“ за Хивинскій походъ наградою.

Все это, по увѣренію г. Маркова, ему говорилъ М. Д. Скобе-
левъ и подтвердилъ артиллерійскій полковникъ Лифшацкій.

Полковника Лифшацкаго я не зналъ и опровергать ссылку на
него г. Маркова не могу, но что Скобелеву г. Марковъ приписалъ

собственныя измышленія, въ лучшемъ случаѣ слышанныя имъ сплетни,—въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Во-первыхъ, въ 1873 г., т. е. во время Хивинскаго похода, М. Д. Скобелевъ былъ еще юнымъ подполковникомъ, „народной“ славы тогда онъ еще приобрѣсти не успѣлъ, въ генералы онъ произведенъ въ 1875 г., бѣлымъ генераломъ прозванъ въ Турецкую войну, а народнымъ героемъ сталъ послѣ Плевны. Слѣдовательно, если въ 1873 г. кто и ревновалъ его къ славѣ и служебнымъ успѣхамъ, то не командующій войсками, который, напротивъ того, провидѣвъ въ Скобелевѣ то, чѣмъ онъ потомъ оказался, поддерживалъ его и выдвигалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ, въ 1869 г., прибылъ въ Туркестанскій край.

Во-вторыхъ, въ Хивинскомъ походѣ Скобелевъ участвовалъ въ составѣ Кавказскаго отряда, а не Туркестанскаго, который велъ лично Кауфманъ, а потому до соединенія отрядовъ, которое произошло въ день паденія Хивы, ни посылать Скобелева на рекогносцировку, ни, тѣмъ болѣе, ожидать его немедленнаго возвращенія съ донесеніемъ Кауфманъ физически не могъ.

Въ третьихъ, вступивъ въ Хиву 29 мая 1873 г., Кауфманъ послалъ Скобелева на рекогносцировку 4 августа, но не къ стѣнамъ Хивы, а на пути отъ Змукшира къ Орта-Кую. Это отвѣтственное и рискованное порученіе Скобелевъ выполнилъ блистательно, 11 августа вернулся съ донесеніемъ и, по представленію Кауфмана, за оказанный подвигъ награжденъ св. Георгіемъ 4 степени.

Въ четвертыхъ, у Скобелева, какъ у всѣхъ выдающихся людей, было много завистниковъ и недоброжелателей, но никому, даже изъ клеветавшихъ на него, не приходило въ голову упрекать его въ низкихъ чувствахъ неблагодарности, которыя покушается ему приписать г. Марковъ.

Какъ, въ дѣйствительности, относился Скобелевъ къ К. П. Кауфману, предоставимъ ему сказать самому.

Вотъ, что писалъ М. Д.—К. П. Кауфману, покидая Туркестанъ, на пути въ Дунайскую армію, изъ Казалинска 24 февраля 1877 г.:

„Позвольте, В. Высокопрев., еще и еще выразить вамъ мою глубокую сердечную признательность за все вами для меня сдѣланное; служба подъ вашимъ начальствомъ навсегда останется лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни; не говоря уже о положеніи, извѣстной репутаціи, которою всецѣло вамъ обязанъ, но я въ особенности долженъ никогда не забывать какимъ человѣкомъ я былъ въ ввѣренный вамъ край въ 1869 г. и какимъ человѣкомъ

я теперь ѣду въ дѣйствующую армію. Я въ полномъ смыслѣ слова ваше созданіе; сознаю это, всегда буду сознавать и горжусь этимъ...

Желаю вамъ здоровья, а себѣ счастья когда-либо опять васъ увидѣть, вамъ преданный и благодарный М. Скобелевъ“.

Письмо это напечатано въ статьѣ „Записки о М. Д. Скобелевъ“, „Нов. Время“ 1883 г. № 2319 и слѣд.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

П. фонъ - Кауфманъ.

8 марта 1913 г. Спб.

